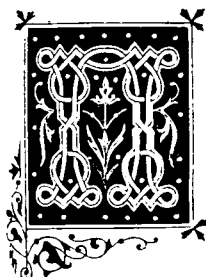

НАШЪ СОЛДАТЪ ВЪ ПѢСНЯХЪ, СКАЗАНИЯХЪ И ПОГОВОРКАХЪ.

ВЕТРОМЪ Великимъ создана рекрутчина, происходящая отъ нѣмецкаго слова, перенесшая къ намъ нѣмецкія воззрѣнія на война,—та рекрутчина, о которой нашъ народъ говорилъ въ свое время: у царя есть колоколъ на всю Русь. Да, лучше трудно выразить весь характеръ и все значеніе рекрутскихъ наборовъ, вполне заслужившихъ названіе колокола: этотъ колоколъ дѣйствительно звонилъ на всю Россію, звонилъ такъ, что при первомъ ударѣ его пробѣгаль трепеть по крестьянской душѣ, содрогался весь крестьянскій людъ отъ малаго до взрослого. Какъ грозная туча шель наборъ, неся съ собой въ семьи слезы, неутѣшное горе, безысходныя страданія. Красная шапка являлась чуть ли не страшнѣе краснаго пѣтуха.

Живы еще въ нашей памяти годы, когда звукъ упомянутаго колокола доносился до горныхъ заводовъ, въ которыхъ прошло наше дѣтство. «Наборъ, наборъ!»—тайнственно и съ невыразимымъ страхомъ шепталась дворня, и мнѣ, ребенку, вслѣдствіе этого, наборъ представлялся какимъ-то чудовищемъ, съ огненными глазами, съ безконечно длиннымъ хвостомъ, сметающимъ все попадавшееся ему на пути. Помню цѣлыя партіи, проходившія мимо нашего дома въ кандалахъ, подъ карауломъ солдатъ, а сзади огромная толпа, по преимуществу, женщинъ, причитавшихъ и плакавшихъ раздирающимъ душу голосомъ. Благодареніе Богу, что всѣ эти картины отошли въ область исторіи.

Бѣдствія народа, порожденные наборами, начались съ момента появленія ихъ, т. е. со времени Петра, и продолжались вплоть до введенія всесословной воинской повинности.

Великій Преобразователь имѣлъ свои основательныя, экономическія и политическія причины создать наборы, но, къ сожалѣнію, ихъ непригодность для нашей жизни сказалась очень скоро.

Въ 1716 году, былъ изданъ воинскій уставъ. Въ самомъ началѣ его говорится слѣдующее: «Понеже всѣмъ есть извѣстно, коимъ образомъ отецъ нашъ въ 1647 году, началъ регулярное войско употреблять, и уставъ воинскій изданъ былъ. И тако войско въ такомъ добромъ порядкѣ учреждено было, что славныя дѣла въ Польшѣ показаны и едва не все Польское королевство завоевано было. Также купно и со шведами война ведена была». Говоря далѣе о томъ, къ чему привело небреженіе по отношенію устройства войска послѣ царя Алексѣя Михайловича, Петръ продолжаетъ: «Но потомъ, когда войска распорядили, то какіе великіе прогрессы съ помощію Вышняго учинили, надъ какимъ славнымъ и регулярнымъ народомъ! И тако всякъ можетъ разсудить, что не отъ чего иного то послѣдовало, токмо отъ добраго порядка, ибо все безпорядочной варварской обычай смѣху есть достойный и никакого добра изъ онаго ожидать возможно. Того ради, будучи въ семъ дѣлѣ самовидцы обоимъ, за благо избрали сію книгу воинскій уставъ учинить, дабы всякій чинъ зналъ свою должность и обязанъ былъ своимъ званіемъ и невѣдѣніемъ не отговариваться, еже чрезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено». Такимъ образомъ воинскій уставъ, имѣвшій цѣлью устройство регулярнаго войска, такъ сказать, закрѣпилъ всѣ новые порядки, введенные Петромъ, по отношенію къ нашей арміи. Появились вмѣстѣ съ этими порядками не виданныя и не слыханныя на Руси собственно военныя преступленія и соединенныя съ ними суды и наказанія. Нѣмецкая военная дисциплина разрасталась и укрѣплялась съ каждымъ царствованіемъ; дисциплина болѣе чѣмъ суровая, жестокая, столь гармонирующая съ духомъ нѣмецкой природы. Въ этомъ уставѣ за многія преступленія назначается лишеніе живота или жестокимъ наказаніемъ наказать, а именно шпицрутенами. Встрѣчается и такая формула: «онъ имѣетъ живота лишенъ аркибузироваціемъ будетъ». Для рядовыхъ, сверхъ упомянутыхъ наказаній, есть посаженіе въ желѣза. За увѣчье себя полагалось ноздри распороть и потомъ на каторгу сослать. За кражу жалованья солдатскаго, провіанта — живота лишитъ. Опредѣлено вѣшать за побѣги изъ полковъ. Ежели рекрутъ прежде года своей службы въ полку побѣжитъ, то онаго за первый побѣгъ бить шпицрутенами чрезъ полкъ по три дни по разу. А когда въ другой разъ побѣжитъ или болѣе году кто въ службѣ, оныхъ вмѣсто смерти бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри предъ полкомъ, сослать въ вѣчную работу на галеры. Нѣ надлежащимъ обра-

зомъ наказаны должны быть, какъ выражается уставъ, не только бѣглые рекруты, но и скрывающіе ихъ у себя. «Якоже достойно есть, чтобы оныя жестоко были наказаны, которые таковыхъ бѣглыхъ (т. е. рекрутъ и солдатъ) скроютъ и онымъ пропитаніе дадутъ, такожде зѣло потребно есть, чтобы военный судъ, когда о дезертирѣ приговоръ учинить имѣетъ, подлинно розыскалъ: гдѣ и у кого онъ во время своей отбытности жилъ, дабы о томъ въ надлежащемъ мѣстѣ извѣщено и опредѣлено было, дабы оный, который его скрылъ, надлежащимъ образомъ наказанъ былъ». Шпицрутены полагаются рядовымъ за многія преступленія и проступки, даже за простую драку въ пиру.

Въ воинскомъ уставѣ, въ отдѣлѣ экзерциціи, подробно изложено солдатское ученіе, съ самой сложной командой, усвоить которую рекруту возможно было лишь съ огромными усилиями, слѣдовательно понятно, что, помимо другихъ причинъ, рекруты и солдаты бѣжали и отъ учобы, какъ выражаются пѣсни.

Приводимъ одинъ образецъ команды: 1) клади на мушкетъ руку, 2) подвысь мушкетъ, 3) мушкетъ на караулъ; 1) мушкетъ предъ себя, 2) бери за дуло, 3) мушкетъ къ ногѣ; 1) опусти руку по мушкету, 2) выступи правой ногой, 3) положи мушкетъ и т. д.

Какое битье рекрутовъ должно было совершаться при такой учобѣ! Съ теченіемъ времени эта учоба обратилась въ систематическое и беспощадное колоченье, а страшные шпицрутены—въ зеленую улицу, т. е. русскій человѣкъ, по свойству своей природы, передѣлалъ нѣмецкое названіе на русскій ладъ, не будучи въ состояніи воздержаться отъ роднаго юмора даже (въ томъ случаѣ, когда его полумертваго, прошедшаго нѣсколько разъ по зеленой улицѣ, носили на рукахъ и добивали положенное число нѣмецкихъ шпицрутеноевъ.

Уже въ 1719 году, слѣдовательно очень скоро послѣ введенія рекрутчины и изданія воинскаго устава, военная коллегія приговорила: «Хотя неоднократно въ губерніи были посланы и опубликованы указы о порядочномъ сборѣ и приводѣ рекрутъ, однако эти указы, по большей части, не исполняются, отъ чего происходитъ немалое государству раззореніе и въ полкахъ неисправность, а именно: 1) когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала изъ домовъ ихъ выведутъ скованныхъ и, приведши въ городъ, держатъ въ великой тѣснотѣ по тюрьмамъ и острогамъ немалое время, и такимъ образомъ, еще на мѣстѣ изнутивъ, отправятъ, не разсуждая по числу людей и далекости пути съ однимъ, и то негоднымъ, офицеромъ или дворяниномъ, при недостаточномъ пропитаніи; къ тому же поведутъ, упустивъ удобное время, жестокою распутицею, отъ чего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни и помираютъ безвременно, а всего хуже, что многіе и безъ покаянія, другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ и пристають къ воровскимъ компа-

ніямъ, изъ чего злѣйшее приключается государству раззореніе, потому что отъ такого худаго распорядка ни крестьяне, ни солдаты, но раззорители государства становятся; всякій можетъ разсудить, отъ чего такія великія умножились воровскія вооруженныя компаніи? отъ того, что бѣглые обращаются въ разбойниковъ». Бѣжали цѣлыя команды отъ тягостей и страданій рекрутской и солдатской жизни, проистекавшихъ отъ разныхъ чиновниковъ, грабившихъ попадавшія въ ихъ руки части войскъ. Петръ, какъ извѣстно, не задумывался надъ крутыми мѣрами, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить знаменитый его указъ, которымъ объявлялось, во всеобщее свѣдѣніе, «что ежели кто такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей (т. е. взяточниковъ и воровъ казенныхъ денегъ) вѣдаетъ, и тѣ бѣ люди безо всякаго опасенія приѣзжали и объявляли о томъ самому его царскому величеству, только чтобъ доносили истину; а кто на такого злодѣя подлинно донесетъ, тому за такую его службу богатство такого преступника движимое и недвижимое отдано будетъ, а буде достоинъ будетъ, дастся ему и чинъ его; а сіе позволеніе дается всякаго чина людямъ, отъ первыхъ даже и до земледѣльцевъ, время же къ доношенію отъ октября мѣсяца по мартъ».

Тяжкое наказаніе несли рекруты и солдаты за побѣги, чиновники за взяточничество, но первые бѣжали, а послѣдніе воровали; воровали даже близко стоявшіе къ самому царю. Разбойничьи шайки, умножившіяся бѣглыми солдатами и рекрутами, возросли до такой степени, что противъ нихъ приходилось высылать цѣлыя воинскія команды. Для поимки бѣглыхъ рекрутъ учреждены были заставы отъ Москвы до Смоленска. Отъ разбоевъ нерѣдко оставались рекрутскіе наборы.

Воинскій уставъ Петра I и порядки, введенные по отношенію къ рекрутскимъ наборамъ, существовали до 1839 года, когда упомянутый уставъ былъ замѣненъ сводомъ военныхъ постановленій и новыми рекрутскими постановленіями; но существо дѣла мало измѣнилось отъ упомянутыхъ новыхъ законоположеній. И побѣги рекрутъ, и такъ называемое чреновредительство, практиковавшееся рекрутами, получившее свое начало при Петрѣ, о чемъ упоминается въ воинскомъ уставѣ, продолжались попрежнему, какъ продолжалось и дезертирство, т. е. побѣги солдатъ.

Начавшееся при Петрѣ движеніе противъ рекрутскихъ наборовъ и противъ всяческихъ безобразій военнаго начальства продолжалось и во всѣ послѣдующія царствованія, т. е. побѣги не только не уменьшались, но постепенно увеличивались. При Аннѣ Ивановнѣ получаютъ особенное значеніе иностранные офицеры, различные проходимцы изъ Германіи и остзейскихъ губерній: сапожные, портняжные мастера и подмастерья, гезели, которые, при посредствѣ вліятельныхъ нѣмцевъ, обращались въ поручиковъ, ка-

питановъ и маіоровъ. Биронъ мечталъ о томъ, чтобы создать полкъ съ одними иностранными офицерами, т. е., чтобы ни одинъ русскій офицеръ въ этотъ полкъ поступать не могъ. Офицеры изъ иностранцевъ, какъ извѣстно, получали двойное жалованье противъ русскихъ. Всѣ эти проходимцы относились съ величайшимъ презрѣніемъ къ нашему солдату, считая его какимъ-то прокаженнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, крѣпко давали чувствовать свое презрѣніе цѣлымъ рядомъ тяжкихъ истязаній, на которыя такъ способенъ обозлившійся нѣмецъ. Нѣмцы-начальники на столько пришились солонны солдатамъ, что въ царствованіе императрицы Елисаветы, когда они оказались не въ фаворѣ, послѣдовали многіе случаи избіенія въ Петербургѣ офицеровъ изъ нѣмцевъ, чему также немало способствовала распушенность гвардіи, игравшей такую видную роль со времени смерти Петра I, ибо весь періодъ времени отъ Петра до вступленія на престолъ Александра I можно безошибочно назвать періодомъ придворной революціи, которая совершалась при посредствѣ гвардіи и баръ. Чего стоили Россіи одни лейбъ-кампанцы! Историкъ Соловьевъ говоритъ, «что чаще всего заводчиками беспорядковъ, виновниками преступленій являлись люди изъ войска; сила, даваемая оружіемъ, вела грубыхъ людей къ тому, чтобы пользоваться этой силой противъ безоружныхъ согражданъ».

Бѣглые солдаты и рекруты показывали, при допросахъ, что покупали паспорта у разныхъ невѣдомыхъ бурлаковъ. Разбой въ царствованіе Елисаветы непомѣрно усилился какъ въ городахъ, такъ и деревняхъ. Нѣкоторые города, безъ преувеличенія, находились въ осадномъ положеніи. Матеріальное положеніе рекрутовъ и солдатъ тѣхъ доброе старое время очень живо рисуется въ запискахъ генерала крингсъ-коммиссара князя Шаховскаго, который объясняетъ, куда дѣвались 19,517 человекъ рекрутовъ, о которыхъ сенатъ спрашивалъ военную коллегію. Оказалось, что они перемерли отъ эпидемическихъ болѣзней, оставленные безъ всякой медицинской помощи. Отправлены они были въ генеральный госпиталь, но ихъ въ оный, за опасностію, не приняли, и велѣно было везти ихъ обратно въ команду. Князь Шаховской, по поводу своей встрѣчи съ ними на большой дорогѣ, пишетъ: «Я, увидя жалкое тѣхъ несчастныхъ состояніе, въ числѣ коихъ нѣсколько ужъ полумертвыми казались, приказалъ обратить назадъ, обнадежа, что ихъ тамъ помѣщу». Но надежда князя не оправдалась: госпиталь оказался биткомъ набитымъ больными солдатами и рекрутами въ жестокихъ лихорадкахъ и прилипчивыхъ горячкахъ, по выраженію Шаховскаго. «Не только всѣ покои, но и сѣни были наполнены больными, и отъ тѣсноты сдѣлалась великая духота, а для холоднаго времени отворять окна не можно, и такъ не токмо они одинъ отъ другаго заражаются, но и здоровые, призрѣніе и услуженіе

имъ дѣлающіе, отъ того впадаютъ въ болѣзни. Присланный съ тѣми больными унтеръ-офицеръ, — прибавляетъ Шаховской, — проситъ меня о приѣмѣ оныхъ, показывая изъ числа тѣхъ въ пути нѣсколько уже мертвыхъ, а другихъ въ прежалостномъ состояніи на стужѣ дрожащихъ».

Поневолѣ слѣдовательно солдаты и рекруты бѣжали отъ подобныхъ жизненныхъ условій, когда каждый изъ нихъ, даже въ бѣдной крестьянской обстановкѣ, былъ избавленъ отъ вышеописанныхъ нами мукъ, т. е., во всякомъ случаѣ, никому изъ нихъ въ своей деревнѣ не пришлось бы въ горячкѣ лежать на морозѣ.

При Петрѣ III послѣдовала передѣлка арміи на прусскій ладъ: мундиры заведены прусскіе, команда прусская, полкамъ даны названія не по городамъ, а, согласно прусскому обычаю, по ихъ шефамъ. Ко всему вышеизложенному извѣстный Болотовъ прибавляетъ въ своихъ запискахъ: «А сверхъ того, вводя уже во всемъ наистрожайшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ (войска) ежедневно экзерцироваться, не смотря какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и, огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, и особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе».

Съ теченіемъ времени управленіе полками приняло характеръ совершеннаго кормленія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нажива отъ полковъ болѣе и болѣе принимала строгообдуманную, приведенную въ полный порядокъ систему. Особенно сильно такое кормленіе отъ полковъ развилось въ царствованіе императора Николая. Въ 1854 году, на Кавказѣ, Муравьевъ нашелъ 40,000 солдатъ, которые, числясь на полномъ казенномъ содержаніи, работали на начальство или отпускались въ постороннія работы за извѣстный оброкъ. Въ полку, бывало, человѣкъ 600 работало исключительно на полковаго командира. Вообще, трудно перечислить разнообразныя крѣпостныя отношенія, въ какія низшіе становились къ высшимъ, по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ. Военные, въ этомъ случаѣ, какъ мы видимъ, не составляли исключенія. Замѣтимъ также, что всякій вновь опредѣлявшійся командиръ полка отчетливо и вѣрно зналъ цифру дохода, на которую можно было рассчитывать, при командованіи полкомъ. Солдаты, знавшіе какое нибудь ремесло, работали на отца-командира за рюмку водки или за спасибо. Обкрадываніе солдатскаго содержанія, овса, сѣна для лошадей составляло такое обычное явленіе, что ему никто не удивлялся, какъ будто таковое явленіе было самымъ законнымъ дѣйствіемъ. Отсюда, разумѣется, неизбѣжно должно было вытекать донельзя легкое отношеніе солдата къ чужой собственности. Трудно было солдату убѣдиться, напримѣръ, въ гнусности воровства, если этимъ воровствомъ онъ поддерживалъ свое существованіе. Кому не извѣстно, что похищеніе съѣстныхъ припасовъ составляло, въ свое

время, обычное преступленіе солдатъ, вѣчно полуголодныхъ, измученныхъ различными работами и ученьями. Ко всему сказанному необходимо присовокупить, что наказанія рекрутовъ и солдатъ, подъ вліяніемъ постоянно возрастающаго въ начальствѣ убѣжденія, что только битьемъ и всяческими чувствительными для тѣла истязаніями можно поддерживать дисциплину, съ теченіемъ времени, наказанія дошли до maximum'a, идти дальше котораго едва ли было возможно. Существовавшее убѣжденіе, что дисциплина поддерживается только строгостью, конечно, не выдерживало критики: чувство страха образуетъ раба, но никакъ не способствуетъ образованію въ человѣкѣ чувства благороднаго самолюбія, сознанія собственного достоинства, безъ чего полезный для общества дѣятель не мыслимъ. Палкой вобьешь не сознаніе святости возложенной на человека служебной обязанности, а только стремленіе какимъ бы то ни было способомъ отдѣлаться отъ этой обязанности или исполнить ее такъ, чтобы она казалась исполненной.

Мы видѣли изъ выше приведеннаго историческаго очерка, на сколько военная служба нравственно губила солдата; видѣли, что рекруты являлись не слугами отечества, а какими-то преступниками, которыхъ ковали въ кандалы, содержали въ острогахъ, словомъ, съ которыми обращались, какъ съ осужденными на казнь, а не какъ съ людьми, призванными на святое дѣло защиты отечества. Во всѣ царствованія, вплоть до времени Александра Освободителя, ни разу не промелькнула даже мысль о необходимости вліять на рекрута и солдата просвѣщеніемъ ихъ внутреннихъ душевныхъ свойствъ. Мало того, если бы подобная мысль даже была только высказана въ прежнее время, то, конечно, ее признали бы достойной самыхъ тяжелыхъ преслѣдованій. Исторія цивилизаціи общества представляетъ иногда неразгаданныя, чудныя явленія.

Результатомъ подобной печальной исторіи рекрутчины и солдатства, конечно, и могли быть только побѣги и различныя преступленія, каковыя побѣги и породили множество правительственныхъ распоряженій о поимкѣ бѣглецовъ.

Народъ очень хорошо зналъ солдата, со всѣми его склонностями, какъ знаетъ онъ многое, что мы предполагаемъ ему неизвѣстнымъ; зналъ и всѣ тяжелыя условія солдатской жизни. Поэтому-то рекрутчина и представлялась ему невыразимо тяжелымъ наказаніемъ. Лучшимъ доказательствомъ того, на сколько народъ зналъ солдата, со всѣми его душевными свойствами, и всѣ условія солдатской жизни, понималъ причины, порождавшія въ солдатѣ тѣ или другіе недостатки, служатъ созданныя имъ, народомъ, поговорки, представляющія краткую, но какъ нельзя болѣе вѣрную исторію солдатства. Затѣмъ, солдатъ еще болѣе уяснится намъ, когда мы рассмотримъ его въ пѣсняхъ, имъ сочиненныхъ, и въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ. Причемъ считаемъ нужнымъ присовокупить,

что наша вышеупомянутая задача ограничена журнальнымъ объемомъ, вслѣдствіе чего характеръ нашего изслѣдованія далекъ отъ того, чтобы могъ быть названъ научнымъ.

Во-первыхъ, солдатъ — казенный человѣкъ, т. е. человѣкъ, совершенно отдѣлившійся отъ крестьянскаго міра, тѣломъ и душой принадлежащій казнѣ. Всѣ его прежнія отношенія не только къ крестьянству, но даже и къ его семейству прекратились. Мало того, солдатскія жены, солдатскія дѣти — отрѣзанные отъ міра ломти. Солдатъ отрѣзанный ломоть; солдатская жена — ружье; солдатскій братецъ — ранецъ; солдату отецъ — командиръ; мать и махича — служба; опричь матери родной — вся родня въ полку (братья, дяди и проч.). Ясно, значить, что семейныя связи въ прежней службѣ у солдата порывались; служба создавала ему другую семью и родню. Отцы, матери, сестры, братья рекрута вполне были убѣждены въ упомянутомъ порваніи семейной связи, чѣмъ и объясняется ихъ безысходное горе при словѣ, раздававшемся въ рекрутскомъ присутствіи: любовь!

Народъ хорошо зналъ, что поповскія дѣти должны быть попами, а солдатскія — солдатами: попъ попа родить, солдатъ солдата (солдатскія дѣти, по прежнимъ законамъ о кантонистахъ). Не завидно было солдатское житіе, какъ мы видѣли, и кто заботился о немъ? Солдатъ да малыхъ ребятъ Богъ бережетъ. Въ этой короткой поговоркѣ вся печальная исторія прежняго солдатства, дѣйствительно только на Бога полагавашаго свои надежды; стой, не шатайся, ходи, не спотыкайся, говори, не заикайся, ври, не завирайся. Характерно — это ври, не завирайся. То есть ври, если нужно, только осторожно, съ оглядкой, чтобы не уличили во враньѣ; колѣней не подгибай, да брюха не выставляй, да не относи задю, тянись да прямись, а въ бокъ не задавайся. Въ этихъ поговоркахъ, созданныхъ непосредственно солдатами, обрисовывается вся старая система обученія военному дѣлу, державшаяся на вытягиваніи носковъ, шагистикъ и тому подобныхъ пріемахъ и на такомъ принципѣ взысканій за дурное исполненіе: не дошагнешь — бьютъ; перешагнешь — бьютъ; не довернешься — бьютъ; перевернешься — бьютъ. Солдатъ, такъ сказать, былъ предоставленъ собственнымъ своимъ заботамъ о своей личности. Живи какъ знаешь, питайся какъ знаешь, но къ дѣлу будь готовъ.

Вслѣдствіе такого положенія, требовавшаго постоянного напряженія ума, постоянной заботы объ улучшеніи своей жизненной обстановки, въ солдатѣ развилась необыкновенная смѣтка, ловкость, находчивость и, въ извѣстномъ отношеніи, смѣлость, безъ которой ничего не урвешь, ничего не стащишь.

Ко всему сказанному необходимо прибавить, что солдатъ — человѣкъ бывалый, его не удивить никакими разсказами, ибо на

своемъ вѣку видалъ виды: ѣдалъ и пшеничный хлѣбъ, пивалъ настоящее нѣмецкое пиво, виноградное вино и ѣдалъ за копейки самый виноградъ; случалось, сиживалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ на одномъ хлѣбѣ и водѣ и даже совсѣмъ безъ хлѣба, питаясь чѣмъ Богъ посылалъ, какъ птица небесная. Не дорога солдату жизнь, въ большинствѣ случаевъ полная бѣдъ и лишеній. Вотъ почему пьяный солдатъ перейдетъ по льду, а собака провалится; гдѣ коза прошла, тамъ и солдатъ пройдетъ. Требованія на житейскія удобства у него невелики: гдѣ тѣсно, тамъ-то солдату и мѣсто; солдатъ шиломъ брѣтся, дымомъ грѣтся; служивый—что муха: гдѣ щель, тамъ и постелѣ, гдѣ заборъ, тамъ и дворъ; у него шило брѣтетъ, а шубы нѣтъ, такъ палка грѣтетъ.

Не злится солдатъ за палку, такъ много гулявшую въ старое время по его спинѣ, а подсмѣивается самъ надъ собой.

Терпѣливъ и выносливъ русскій человѣкъ. Порвавъ всѣ связи съ женой и дѣтьми и зная, что втеченіе долгихъ десятковъ лѣтъ ему не приведется видѣть ихъ, солдатъ не стѣснялся въ своемъ образѣ жизни, и потому, гдѣ ни пожилъ, тамъ и расплодился; у нашего солдата вездѣ свои ребята. Въ поговоркахъ подмѣчены не только важные, съ нравственной точки зрѣнія, пороки солдата и вообще его душевныя свойства, но даже нѣкоторыя привычки, сопровождавшія и сопровождающія его на длинномъ служебномъ пути: коли не дать солдату колья въ стѣну набить, такъ ему и не квартира. Дѣйствительно такова, какъ нельзя болѣе вѣрная, солдатская повадка. Прежде всего во всякомъ новомъ помѣщеніи солдатъ развѣшиваетъ казенную амуницію, чтобы она находилась, согласно уставу, въ должномъ порядкѣ. Эту привычку, какъ видно изъ одного народнаго сказанія, солдатъ пускаетъ въ ходъ и въ аду, куда онъ попалъ по своимъ грѣхамъ. Набилъ въ стѣну колья, развѣсилъ амуницію и закурилъ трубочку; сидитъ, сплевываетъ по сторонамъ и кричитъ на чертей не своимъ голосомъ: «Не подходи близко! аль не видишь, что виситъ казенная амуниція!» Черти не знали, какъ и отдѣлаться отъ солдата. Нагналъ онъ на нихъ великій страхъ. Наконецъ, одному чертенку пришла мысль забить походъ въ барабанъ. Солдатъ, услыхавъ походъ, въ минуту собралъ все имущество и со всѣхъ ногъ кинулся бѣжать изъ пекла.

Цѣлый рядъ поговорокъ рисуетъ намъ печальное свойство солдата тащить и красть при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ этихъ поговоркахъ—вся грустная исторія прежней солдатской жизни, порожденная, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, тяжелыми условіями, при которыхъ проходила служба солдата. Солдатъ—что волкъ: гдѣ попало, тамъ и рветъ; не за то бьютъ солдата, что крадетъ, а чтобы концы хоронилъ; солдата за все

бьютъ, только за воровство не бьютъ. Послѣднія двѣ поговорки цѣликомъ взяты изъ жизни: полковые, ротные и другіе командиры, сплошь да рядомъ, покрывали воровство своихъ командъ, если только солдатъ умѣлъ хоронить концы, и крѣпко били за неумѣлость чисто обдѣлывать дѣло. Солдатъ накралъ, слѣдовательно сытъ, а коли сытъ, значитъ, и судьбой своей доволенъ, какъ довольны и отцы-командиры. Все обстояло благополучно, кромѣ нравственнаго чувства солдата. Солдатъ—багоръ: что зацѣпилъ, потащилъ; сорвалось—не удалось; не видалъ ли тутъ солдата? да коли что украдено, такъ видѣлъ; солдатъ ухватить, а коли поймаютъ—нешто это твое, говорить; а твое, такъ возьми. Какое безстыдство приписывается въ этихъ поговоркахъ солдату, который обрисовывается способнымъ на самую наглую ложь, на самыя безстыдныя дѣйствія! Чувствуешь, что такого молодца ничѣмъ не заставишь покраснѣть; поневолѣ повѣришь, что солдатъ—безстыжіе глаза, что онъ только на морозѣ да на огнѣ краснѣетъ. Черезъ тяжкую школу долженъ былъ пройти нашъ солдатъ, чтобы дойти до такого нравственнаго растлѣнія; тѣмъ болѣе поразительно такое явленіе, что солдатъ вышелъ изъ среды народа, отличающагося нравственнымъ чутьемъ, высокимъ пониманьемъ правды и всего ея великаго значенія на землѣ. Неудивительно послѣ этого, что нашъ народъ считаетъ солдата какимъ-то отдѣльнымъ отъ себя, совершенно другимъ существомъ, не имѣющимъ съ нимъ, съ народомъ, ни малѣйшей связи. И народъ правъ въ данномъ случаѣ, ибо дѣйствительно солдатъ—человѣкъ другаго міра по своей дѣятельности, взглядамъ, привычкамъ, интересамъ и цѣлямъ въ жизни.

У солдата нѣтъ кармановъ, а все спрячетъ; солдатъ—добрый человѣкъ, да шинель его хапунъ; у солдата шинель—постель, шинель—кошель, а руки—крюки; хоть ложку деревянную, а украсть что нибудь съ постоя надо. Въ то же время нашъ народъ, всегда снисходительный къ немощамъ ближняго, сознаетъ, что солдатъ нравственно испорченъ не по природѣ, а въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, всегда губительно дѣйствующихъ на нравственную природу людей. На этомъ основаніи народъ и говоритъ: солдату не грѣхъ поживиться; солдату не украсть, такъ негдѣ взять; солдату три деньги въ день, куда хочешь, туда ихъ дѣнь.

Мы не имѣемъ возможности, по объему нашей статьи, коснуться многихъ историческихъ документовъ, которые представили бы несравненно большее количество фактовъ, чѣмъ представили мы, доказывающихъ цѣлый рядъ фѣдствій, самыхъ разнообразныхъ лишеній, пережитыхъ нашими солдатами со времени учрежденія регулярной арміи до вступленія на престолъ императора Александра II. Остается только удивляться, какимъ образомъ хватило

внутреннихъ силъ у нашего народа вынести на себѣ рекрутчину и солдатчину, со всѣми ихъ тяжкими послѣдствіями. И въ то же время солдаты, не имѣя ни малѣйшаго понятія о причинахъ цѣлаго ряда войнъ, дрались на славу, принося отечеству новыя побѣды, новыя земельныя пріобрѣтенія. Минихъ, полководецъ талантливый, суровый съ солдатами, не щадившій ихъ жизни, что солдаты высказывали громогласно, говариваль, когда ему представляли невозможность исполнить то или другое военное дѣйствіе: «Ахъ, батюшка, батюшка, для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго.» И такіе-то солдаты переносили голодъ, холодъ, мерзли больные на морозѣ. Послѣ всего нами вышеизложеннаго, представляется совершенно понятнымъ, почему рекрутскій наборъ производилъ на народѣ такое потрясающее дѣйствіе, почему рекруты дезертировали цѣлыми командами.

Въ народной памяти сохранились, полныя высокаго драматизма, необыкновенно сильнаго чувства скорби, пѣсни рекрутовъ. Какъ поэтичны и художественны эти пѣсни! Читая ихъ, глубоко чувствуешь, что страданія рекрута идутъ изъ самыхъ отдаленныхъ тайниковъ его души, что эти пѣсни являются естественнымъ послѣдствіемъ глубоко сознаннаго горя, ожидающаго его въ будущемъ. Всѣ рекрутскія пѣсни составляютъ, за весьма ничтожными исключеніями, самый поэтическій отдѣлъ нашей народной литературы.

Сколько драматизма, задушевности, напрімѣръ, въ слѣдующей пѣснѣ:

Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались.
 Какъ слышали мои кудерушки на себя невзгоду,
 Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
 Что ужъ быть-то мнѣ, добру молодцу, во солдатахъ,
 Что служить-то мнѣ, добру молодцу, государю,
 Что стоять-то мнѣ, добру молодцу, въ караулѣ.
 Вотъ стоялъ я, добрый молодецъ, въ караулѣ,
 Пристоялись мои скоры ноги;
 Какъ задумалъ я, добрый молодецъ, задумалъ бѣжати.
 Что бѣжалъ я, добрый молодецъ, не путемъ-дорогой,
 А бѣжалъ я, добрый молодецъ, темными лѣсами.
 Во темныхъ лѣсахъ, добрый молодецъ, весь я ободрался,
 Подъ дождемъ я, добрый молодецъ, весь я измочился,
 Прибѣжалъ я, добрый молодецъ, къ своему подворью.
 Прибѣжавши, я, добрый молодецъ, подъ окномъ я постучался:
 — «Ты пусти, пусти, сударь батюшка, обсушиться,
 «Ты пусти ль, пусти, родимая матушка, обогрѣться».
 — «Я бъ пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя;
 «Ты поди ль, поди, мое дитятко, во чисто поле;
 «Что буйнымъ вѣтромъ, мое дитятко, тебя тамъ обсушить,
 «Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, обогрѣтъ».

Какъ пошелъ я, добрый молодецъ, самъ заплакалъ.
 — «Ужъ возмись загоритесь вы, батюшкины хоромы,
 «Ужъ ты сгинь, пропади, матушкино подворье».

Спрашиваемъ: можно ли рельефнѣе, сильнѣе и, такъ сказать, страшнѣе представить весь трагизмъ положенія дезертира, бѣжавшаго со службы, съ тѣмъ, чтобы спастись отъ ея тягостей и вздохнуть отъ пережитыхъ, во время бѣгства, страданій, подъ кровомъ родительскаго дома. Могъ ли онъ хотя на минуту усомниться въ родительской любви, и особенно въ любви матери, единственной неизмѣнно твердой любви на землѣ. Но и материнская любовь не устояла противъ страшныхъ послѣдствій, соединенныхъ съ принятиемъ бѣглаго солдата. «Если материнская любовь измѣнила,—думаетъ сынъ,—то нѣтъ болѣе никакой надежды: преступленіе, т. е, побѣгъ, совершено; все погибло, погибла и любовь матери, то загоритесь же вы, батюшкины хоромы, сгинь, пропади, матушкино подворье»!

Достаточно проникнуться духомъ этой страшной драмы, чтобы безъ подтвержденія со стороны исторіи понять, что значили въ свое время рекрутчина и солдатство. Замѣтимъ, что приведенная нами пѣсня одинаково относится какъ къ рекрутскимъ, такъ и солдатскимъ пѣснямъ, хотя, сколько видно изъ содержанія, герой ея рекрутъ, только-что сдѣлавшійся солдатомъ, и потому ее ближе отнести къ рекрутскимъ.

Сохранились пѣсни, по которымъ можно возсоздать весь былой процессъ приѣма въ рекруты. Въ нихъ упоминаются и кандалы, и бритье головы.

Что куютъ-то меня, добра молодца, куютъ во желѣзы,
 Посадили меня добра молодца во козырные сани,
 Привезли-то меня, добра молодца, въ городъ, во губернію,
 Привели-то меня, добра молодца, привели ко приему,
 Посадили-то меня, добра молодца, во красное стуле;
 Какъ и стали они меня, разудалаго, стричь, они-то—брити.
 Ужъ вы брѣйте мои кудерушки, брѣйте, не жалѣйте,
 Отошлите мои кудерушки ко красной дѣвкѣ.

Не много найдется не только въ нашей, но и во всякой другой народной литературѣ болѣе поэтической, болѣе захватывающей за сердце и, наконецъ, болѣе живой по краскамъ слѣдующей пѣсни молодого рекрута:

Растоскуйся ты, моя, ты, моя сударушка, по мнѣ возгорюйся,
 Ужъ я самъ-то ли, самъ по тебѣ, сударушка, самъ я востесковался:
 Нападаютъ-то на меня, меня, сиротинушку, ахъ, да лихи люди,
 Что хотять-то ли, хотять меня, сиротинушку, отдать во солдаты,
 Что куютъ-то ли, куютъ меня, сиротинушку, меня во желѣзы,
 Что везуть-то, везуть меня, сиротинушку, меня ко приему.
 Всѣ приемщики на меня, на меня, сиротинушку, они вдивовались:

Ужъ и гдѣ же ты, гдѣ ты, сиротинушка, гдѣ ты уродился?
 Породила-то меня, меня, сиротинушку, ахъ, да родна матушка,
 Воспоилъ-то меня, вскормилъ меня, сиротинушку, православный міръ,
 Возлелѣяла меня, меня, сиротинушку, ахъ, да Волга матушка,
 Воскачала-то меня, меня, сиротинушку, ахъ да легка лодочка.

Эта пѣсня, помимо ея поэтическихъ красотъ, замѣчательна еще въ томъ отношеніи, что наглядно представляетъ обычное явленіе въ крестьянскомъ мірѣ, постоянно практиковавшееся въ прежнее время: сдавать въ солдаты безродныхъ, сиротинушекъ, чтобы они не сидѣли на мірской шеѣ. Экономическія соображенія у нашего народа всегда имѣли и имѣютъ большое значеніе.

Выраженіе: «вспоилъ-то, вскормилъ меня, сиротинушку, православный міръ», прямо указываетъ, что герой пѣсни не имѣлъ ни роду, ни племени, вслѣдствіе чего его и взлелѣяла Волга матушка, воскачала его не зыбка, а легка лодочка. Какъ глубоко лежитъ въ народѣ сознаніе, что безъ нѣжной любви матери не вырастаетъ ни одинъ человѣкъ, а если нѣтъ матери и дорогаго сердца другого любящаго существа, то ихъ замѣняетъ природа, эта общая мать всѣхъ людей.

Родная мать крѣпко любитъ сына, такъ любить, какъ никто никогда любить не будетъ. Благословляя его на государеву службу, она причитаешь:

Да хранить тебя Никола многомилостивой
 И отъ бури да хранить тебя, отъ падоры ¹⁾,
 Отъ холода тебя, да онъ отъ голода,
 Отъ тычковъ, пинковъ вѣдь онъ да отъ затыльниковъ.

Такія причитанья относятся къ такъ называемымъ завоеннымъ плачамъ, развившимся со времени Петра I, т. е. со времени введенія рекрутскихъ наборовъ. Рекрутчина создала эти рекрутскіе и солдатскіе плачи, страшные, раздирающіе душу, составляющіе нашу плачущую народную поэзію, по вѣрному выраженію г. Барсова. Главными причинами недовольства народа были: неопредѣленность въ наборахъ, несправедливости, которыми они сопровождались, жестокое обращеніе и худое пропитаніе рекрутъ и солдатъ. Невыразимо тяжело было для народа и то, что наборы связывались съ такими условіями, которыя не мирились съ религіознымъ народнымъ сознаніемъ. Приказано было новобранцамъ рекрутамъ обстригать и брить бороду. «Главы и брады обрили и персоны ругательно обезчестили»,—писали книжники того времени. Бритые новобранцевъ, особенно въ самомъ началѣ, казалось надругательствомъ надъ православной русской душой. И вотъ какъ страшно вопить мать рекрута, видя гибель его вѣчнаго спасенія:

¹⁾ Падора, падера—буря съ вихремъ; въ Арханг., Новг. и Псковск. губ.

Охти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
 Какъ бы мнѣ эта бритва заостренная,
 Не дала бы я злодѣйной этой некрести
 Надъ моимъ ноньку рожденіемъ надрыгаться:
 Распорела бы я груди этой некрести,
 Ужъ я выняла бы сердце тутъ со печенью,
 Распластала бы я сердце на медки куски,
 Я нарыла бы корыто свиньямъ въ мѣсиво,
 А и печень я свиньямъ на уѣданье.

Никакой курсъ исторіи народа не уяснить такъ осязательно такъ рельефно горя, накинѣвшаго въ немъ отъ рекрутчины и солдатчины! Страшная, шекспировская по литературнымъ достоинствамъ пѣсня. Ясно, значитъ, что бритье бороды затрогивало самыя святыя религіозныя чувства народа. «Эту вѣковую борьбу народа противъ брадобритія, — говоритъ г. Барсовъ, — стоившую ему безконечно тяжкихъ воздыханій и горькихъ слезъ, тюремныхъ заточеній, ссылокъ на галеры, пролитой крови и головъ, сложенныхъ на дыбахъ или рукою палача, прекратилъ покойный царь-освободитель. Всѣмъ извѣстно знаменитое дѣло Карташева, который заявилъ, что съ него могутъ снять голову, но не бороду. Военный судъ приговорилъ его къ смертной казни, черезъ разстрѣліаніе, но государь помиловалъ его отъ этой казни и разрѣшилъ всѣмъ желающимъ носить бороду и черезъ то освободилъ русскій народъ отъ вѣковаго внутренняго смущенія и поруганія».

Мы уже знаемъ, что рекрутчина и солдатчина создали протестъ со стороны народа, проявившійся въ побѣгахъ. Слѣдуетъ указъ за указомъ, начиная съ 1713 года, противъ бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ. Въ видахъ предупрежденія побѣговъ велѣно было бѣглыхъ клеймить, накола имъ крестъ на лѣвой рукѣ, и затирать порохомъ. Не спасались отъ различныхъ истязаній, какъ мы знаемъ, и родители бѣглыхъ дѣтей. Ихъ приковывали къ стулу, который имѣлъ въ ширину аршинъ, а въ длину полтора аршина; въ этомъ стулѣ былъ забитый пробой и цѣпь желѣзная съ сажень, и накладывають эту цѣпь на шею, съ замкомъ; заставляли голыми ногами по цѣлымъ часамъ стоять на льду и снѣгу. Употреблялась и такая мука: вывѣшаютъ пролубу и отъ той вывѣшаютъ другую, разстояніемъ отъ пролубы до пролубы 5 сажень; затѣмъ клали веревку на шею родителямъ и перетягивали веревку и таскали ихъ изъ пролубы къ пролубѣ. Мало того, морили скотъ голодомъ, раскрывали въ домахъ крыши и даже разворачивали самыя дома. Вслѣдствіе этого и сами родители бросались на убѣгъ, — заключаетъ г. Барсовъ, — и дома оставались пустыми.

Не смотря на всѣ эти ужасы, были такіе добрые и отважные люди, которые, всетаки, принимали бѣглыхъ рекрутовъ и солдатъ и спасали ихъ, что видно изъ сохранившихся въ народѣ расказа-

зовъ. Но въ безысходномъ несчастіи одна надежда на Бога. Жалѣя плачущую мать, сосѣдки уговариваютъ ее сходить въ церковь и помолиться:

И може Господи Владыко свѣтъ помилуетъ,
И Пресвятая Мать Богородица заступится,
И сохранитъ да вѣдь Микола многомилостивой
Ужъ какъ милое роженое твое дитяtko
И отъ злодѣйной этой службы государевой.

Теперь перейдемъ собственно къ солдатскимъ пѣснямъ, т. е. рассмотримъ, какъ проявляется нашъ солдатъ въ своемъ творчествѣ. Эти пѣсни можно раздѣлить, по нашему мнѣнію, на два отдѣла: во-первыхъ, пѣсни, въ которыхъ солдатъ говоритъ о своихъ невзгодахъ. Въ нихъ находимъ и теплое чувство, и картину горькой дѣйствительности, но такихъ пѣсенъ немного: солдату не приводилось пѣть, при отцахъ-командирахъ, о своихъ страданіяхъ и лишеніяхъ. Идутъ солдатухи мимо палаты генеральской. Приказываютъ имъ пѣть пѣсню веселешенко, а имъ пѣсенки запѣть да не хотѣлось бы! щемитъ ихъ ретивое, замираетъ сердце; но, волей не волей, по городу идутъ они тихошенько и скрозь слезы поютъ они пѣсенку и скрозь обиду слова выговариваютъ. Вотъ лучшій отвѣтъ самихъ солдатъ, въ какой степени имъ было удобно пѣть задушевные пѣсни и при какихъ условіяхъ приходилось отводить душу въ пѣсняхъ.

Ко второму отдѣлу относятся пѣсни, имѣющія предметомъ описанія полководцевъ, отцовъ-командировъ и совершенныхъ солдатами походовъ. Въ этихъ пѣсняхъ пѣтъ искры чувства, правды и дѣйствительности, за весьма ничтожными исключеніями, а именно лишь по отношенію къ событіямъ, относящимся къ походамъ Петра Великаго. Петръ рисуется въ солдатскихъ пѣсняхъ въ образахъ живыхъ; о немъ говорится съ теплымъ чувствомъ. Пѣсни, явившіяся послѣ Петра, вплоть до конца царствованія императора Николая I, создались какъ будто по какому-то заказу, по казенной мѣркѣ, заранѣе и однажды навсегда опредѣленной. Въ нихъ не узнаешь нашего умнаго, обладающаго теплымъ чувствомъ солдата.

Петру въ пѣсняхъ попреимуществу приписывается имя царя бѣлаго.

Пѣсня сохранила намъ Азовскіе походы:

Сбирается православный царь
Подъ крѣпкой Азовъ городъ.
Собираетъ онъ телѣженекъ
Сорокъ тысячей.
Во каждую телѣжку сажалъ
По пяти молодчиковъ.
По шестому приставлялъ
По извошничку.

Укрывали сукнами
Багрецовыми,
Убивали гвоздочками
Полужеными.

Петръ приказываетъ доложить въ Азовѣ турецкимъ начальникамъ, что пріѣхалъ къ нимъ богатый гость Ѳеодоръ Ивановичъ:

Съ тѣми ли съ товарами,
Со заморскими,
Съ куницами пріѣхалъ
И съ соболицами.

Турки повѣрили, и когда впустили обозъ, то изъ телѣгъ выскочили казаки, которые и захватили городъ.

Какъ совпадаетъ эта хитрость Петра съ извѣстнымъ сказаніемъ объ Олегѣ, когда онъ такимъ же способомъ выманилъ изъ Кіева Оскольда и Дира. Можетъ быть, Петру приписана эта хитрость потому, что онъ, какъ умница, дѣлаетъ все не такъ, какъ дѣлаютъ простые смертные.

Чистка аммуниціи на нѣмецкій ладъ и всѣ нѣмецкіе порядки, требовавшіе аккуратности, этой первой нѣмецкой добродѣтели, начинаются въ нашемъ войскѣ также со времени Петра. Такъ, въ одной пѣснѣ говорится:

Бѣжить-то изъ Москвы скорый посолъ,
Держить въ рукахъ грозный указъ,
Чтобъ были мы, солдатшки, приубранные,
Перевязи, португези были бы бѣленныя
И ружьецы были бы чищенные.

Очень можетъ быть, что эта пѣсня позднѣйшаго склада, когда нѣмецкая чистка развилась особенно сильно, хотя въ ней, т. е. пѣснѣ, говорится о походѣ подъ Азовъ.

Мы уже замѣтили выше, что какъ только солдатъ вспомнить о тягостяхъ рекрутчины и военной службы, то его пѣсня звучитъ теплотой сердечной и неподкрашенной правдой, какъ, напримѣръ, слѣдующая:

Ты злодѣй—злодѣй, ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое!
Къ чему ты ныло, запывало?
Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
Предвѣщало ты, а не сказало:
Что быть-то мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,
Что въ рекрутахъ быть мнѣ и во солдатахъ.
А и въ солдатахъ быть и мнѣ и въ походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію Шлисенбургомъ.

Петръ обращается къ генераламъ и спрашиваетъ: «Еще брать ли мнѣ городъ Орѣшекъ»? Генералы совѣтуютъ отступить, ибо силы мало. Спрашиваетъ царь и солдатъ о томъ же:

Что не ярые тутъ пчелы зашумѣли,
 Что возговорятъ россійскіе солдаты:
 Ахъ ты, нашъ батюшка, государь царь!
 Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
 Намъ сухимъ путемъ идти—не досягнуть,
 А что брать или не брать ли—бѣлой грудью.

Прекрасно сравненіе солдатскаго говора со пчелинымъ шумомъ; художественна и послѣдняя строка, т. е. такъ или иначе идти къ Орѣшку, но, во всякомъ случаѣ, приходится брать его бѣлой грудью.

Петръ въ пѣсняхъ переглядываетъ на рѣкѣ Невѣ корабельное построенье; на этомъ построенъ полюбилися царю легкій корабль, съ любимыми полками преображенскими. Зналъ, слѣдовательно, народъ любовь царя къ кораблямъ, его любовь къ полку Преображенскому. Говорить пѣсня и о Полтавской битвѣ, не опуская даже нѣкоторыхъ подробностей:

Подымалась полтавская баталія.
 Запалить шведская сила
 Изъ большого снаряда, изъ пушки;
 Запалить московская сила
 Изъ мелкаго ружья, изъ мушкетовъ.

Оставляя подробности, приводимъ конецъ пѣсни:

Смѣшалася шведская сила.
 Распахана шведская пашня,
 Распахана солдатскою бѣлой грудью;
 Орана шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронена шведская пашня
 Солдатскими руками;
 Посѣяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Подивана новая пашня
 Горячей солдатскою кровью.

Какъ художественно сравненіе поля битвы съ пашней! Предъ глазами невольно рисуется битва страшная, стойившая много жертвъ. Для того, чтобы понять, до какой высокой художественной красоты можетъ возвыситься творчество нашего народа, мы приводимъ слѣдующее описаніе битвы, поражающее своей грандіозностью: страшеніе было превеликое и кровопролитіе преужасное; отъ дыму не видно было свѣту бѣлаго. Далѣе:

И мы ходили-то, солдаты, по колѣна въ крови;
 И мы плавали, солдаты, на плотахъ-тѣлахъ;
 И ручьями кровь да туды сюды разливается,

И наше храброе сердце да разгорается;
 Тутъ одна рука не може, другая пали;
 Тутъ одна нога упала, другая стой;
 И раззудилося плечо да расходилося,
 И бурлацкое вѣдъ сердце не устерпчиво;
 И гдѣ вѣдъ пулей неймемъ, тамъ грудью беремъ,
 А гдѣ грудь не беретъ, душу Богу отдаемъ.

Какая сила слышится въ этой пѣснѣ, какими красками нарисована картина битвы! Слушая такую пѣсню, вѣришь, что поющій ее легко отдаетъ душу въ томъ случаѣ, гдѣ грудь не беретъ.

Пѣсни, имѣющія содержаніемъ походы Петра, какъ мы и замѣтили выше, относятся съ теплотой и видимымъ сочувствіемъ къ его личности, что объясняется, какъ заботами его о войскѣ, такъ и тѣмъ (въ чемъ мы видимъ самую главную причину), что значеніе войнъ, предпринятыхъ великимъ преобразователемъ, не могло укрыться отъ войска, которое, кромѣ того, имѣло возможность осязательно убѣдиться, что своимъ успѣхомъ надъ врагами, на поляхъ сраженій, обязано новымъ порядкамъ, введеннымъ царемъ, и его неустаннымъ заботамъ объ устройствѣ государства, въ особенности военной части. Чутье пониманья правды удивительно развито въ нашемъ народѣ; онъ любитъ справедливость, обладаетъ такимъ здравымъ взглядомъ на вещи, на всѣ жизненные явленія что, по естественному закону, никогда не назоветъ чорнаго бѣлымъ и наоборотъ. Люба или не любя ему извѣстная личность, но отнесется къ ней всегда справедливо и безпристрастно. Мнѣ возразятъ, что народъ не любилъ Петра, по многимъ причинамъ, доказаннымъ исторіею. Мы на это отвѣтимъ: если народъ и не любилъ его, то, всетаки, сознавалъ, и сознавалъ глубоко, величіе, мощь Петра, что подтверждается множествомъ о немъ сказаній, преданій, въ которыхъ великій реформаторъ постоянно рисуется чело-вѣкомъ, выходящимъ изъ ряда по своимъ гениальнымъ душевнымъ свойствамъ. Повторяемъ: въ томъ и познается присущее нашему народу чутье правды, что онъ, если и не любитъ кого бы то ни было, то, во всякомъ случаѣ, относится къ нему справедливо, о чемъ мы и вели рѣчь.

Смерть Петра не могла, конечно, пройти незамѣченной народомъ, какъ равнымъ образомъ и войскомъ. Есть пѣсня, содержащая плачъ гвардіи, при кончинѣ великаго царя. Этотъ плачъ не заказной, не искусственный; въ немъ слышится теплота сердечная:

«И ты встань, проснись, православный царь!
 Посмотри, сударь, на свою гвардію;
 Посмотри на всю армію,
 Что всѣ полки въ строю стоятъ
 И всѣ полковники при своихъ полкахъ,
 Подполковники на своихъ мѣстахъ,

Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А прапорщики предъ знаменами.
Дожидають они полковника,
Что полковника преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго.

Съ какимъ художественнымъ тактомъ ведена вся пѣсня. Петръ лежитъ въ гробу (о чемъ говорится въ началѣ); войско молить, «чтобы разстунилась на всѣ стороны мать сыра земля и раскрылась бы гробова доска, и ты встань, проснись, православный царь!» Затѣмъ—переходъ къ описанію войска, готоваго къ смотру. Зачѣмъ собралось войско? Пѣсня, какъ мы замѣтили, упомянувъ о смерти Петра, отвѣчаетъ, что войско ждетъ своего полковника преображенскаго, капитана бомбардирскаго. Безъ всякихъ риторическихъ правилъ, народъ знаетъ, такъ называемый въ искусствѣ, законъ контраста, на которомъ и держится вся приведенная нами пѣсня. Груба, необдѣланна форма всякаго народнаго произведенія, но отнять у народа художественнаго чутія, конечно, невозможно.

Въ иныхъ солдатскихъ пѣсняхъ горе выражается необыкновенно коротко и рельефно.

Такова, напримѣръ, пѣсня:

Какъ шли—прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родныя,
Во слезахъ пути-дороженьки не видють.
Какъ возговорять солдаты молодые:
Охъ, вы, матушки родныя, да родныя,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами».

Изъ приведенныхъ нами задушевныхъ пѣсенъ можно сдѣлать вѣрный выводъ, а именно, что какъ только солдатъ касается своей службы, то пѣсня звучитъ грустью и тоской. Мать спрашиваетъ сына: «Съ чего ты, дитяtko, состарѣлся»? Сынъ отвѣчаетъ:

Государыня, ты, матушка!
Не жена меня состарила,
Что не малыя ли дѣтушки.
А состарила меня, матушка,
Что чужа дальна сторонушка,
Грозна служба государева,
Что часто дальные походы всѣ.

Вообще солдатская служба называется въ пѣсняхъ не иначе, какъ грозной службой государевой, командиры — супостатами, злодѣями свирѣпыми. «Безъ креста и безъ души, они не жалѣютъ безчастныхъ солдатъ».

За пропащу ихъ собаку почитаютъ,
И бьютъ да ихъ безчастныхъ до умертвія.

Солдаты знаютъ, какъ знаетъ и весь народъ, что царь — сама правда, источникъ добра; но творять неправду начальники. «Холодно было и голодно. Ядѣнье было точно скотинное и питье было лошадиное; лакомствомъ были мякинные сухарики и сладкимъ питьемъ — ржавая вода. Отъ царя они не обижены; отъ царя пища хорошая поставлена и отъ царицы добры питица наряжены и то между собой начальники сѣѣдаютъ».

Имѣется цѣлая исторія, изложенная въ пѣснѣ, о какомъ-то князѣ Гагаринѣ, солдатскомъ грабителѣ:

Заѣдаетъ князь Гагаринъ наше жалованье,
Небольшое, трудовое, малоденежное,
Со всякаго челоуѣка по 15 рублей.
Онъ на эти-то па денежки поставилъ себѣ домъ,
Онъ поставилъ себѣ домъ на Неглинной, на Тверской,
На Неглинной, на Тверской, за мучнымъ большимъ рядомъ.

Далѣе слѣдуетъ описаніе дома, въ которомъ потолокъ хрустальный, а парадное крылечко бѣлокаменное, полъ лакомъ наведенъ и москворѣцкая вода по фонтану ведена. Въ палатахъ смощена кровать, на ней лежитъ князь Гагаринъ. (Высшее наслажденіе, въ понятіяхъ народа, лежать на кровати и ничего не дѣлать). Князь, лежа на кровати, таки рѣчи говорить:

Ужъ и дай, Боже, пожить и въ Сибири послужить:
Не таки бѣ я полатушки сооронилъ бы себѣ,
Я не лучше бы, не хуже государева дворца.
Только тѣмъ развѣ похуже — золотого орла нѣтъ.
Ужъ за эту похвальбу государь его казнилъ.

Не сибирскій ли это губернаторъ князь Гагаринъ, казненный Петромъ за взятки и различныя, выходившія изъ ряда безобразія? Народъ именамъ не даетъ особеннаго значенія и нерѣдко смѣшиваетъ личности.

Страшно дорого стоила солдатамъ такъ называемая ими въ пѣсняхъ учоба артикуламъ и различнымъ ружейнымъ приемамъ. Съ болью сердечной вспоминаетъ солдатъ объ этой учобѣ:

Стоять они день до вечера
И съ руки на руку оружье перекладываютъ,
И съ ноги на ногу они да переступываютъ,
И выше головы оружье поднимаютъ,
И скорешенько оружье заряжаютъ.

Отойдутъ командиры и отдалѣ глядятъ: впрямь по плечушкамъ могучимъ и вточъ по буйной по головушкѣ:

Солдатушки стоять да не шатаются,
Оружьяца у нихъ да не мѣшаются ли?

Но молодые солдатушки не могутъ продѣлывать команду по правиламъ:

Оружьяца у нихъ да все промахнется,
Аль плечо съ плечомъ у нихъ да все не сойдется;
Аль ступня съ ступней у нихъ да не сравняется.
Закричатъ они, злодѣи (т. е. командиры), позвѣриному
И по бѣлу лицу даютъ да имъ затрещенье,
Аль по головѣ даютъ да имъ заушенье,
Аль по бѣлую-то грудь да имъ подтычину,
А вотъ и зеленая солдатская улица.

Безъ сознанія, безъ чувствъ и движенія, отъ ранъ и побоевъ, лежатъ солдатушки полумертвые. Со слезами поднимаютъ ихъ товарищи и спрашиваютъ:

Есть ли душенька у васъ во бѣлыхъ грудяхъ,
Есть ли зрѣньица у васъ да во ясныхъ очахъ?

Всѣ эти подтычины, зуботычины и заушенья крѣпко сказывались солдатамъ, когда они оставляли службу и возвращались въ свой родной уголь:

Тоскуютъ-то солдатеки бѣдны плечушки
И стонуть бѣдны косточки изломаны.

Нужно ли добавлять что нибудь къ этой картинѣ, нарисованной такими яркими красками? По упомянутой пѣснѣ можно воспроизвести всю солдатскую учобу, со всѣми ея прелестями.

Мать, взволнованная рассказами сына о подобныхъ жестокостяхъ, между прочимъ, говоритъ ему: «Пасть бы вамъ въ ноги командерамъ и просить бы: не бейте понапрасну, не терзайте-тко!» Но тутъ же сама соображаетъ: «Пораздумаюсь безчастнымъ своимъ разумомъ: оны безъ души судіи неправосудные, оны безъ креста злодіи супостаты.» Мать даетъ еще и другой совѣтъ: «Найдти писарочка хитроумнаго, съ своей стороны, съ Новгорода, и съ обидой бить челомъ на нихъ царю благовѣрному и царицѣ милосердой». Но потомъ воспоминаетъ и говоритъ, что нѣтъ у злодѣевъ ни страха, ни совѣсти:

И не допустить-то прошенъица безчастнаго
И какъ до этого царя да до великаго,
И тутъ обещуть (т. е. обнесутъ, оклеветаютъ) вѣдь солдатушковъ
безчастныхъ.

Послѣ всего выше нами изложеннаго, становится совершенно понятнымъ, почему въ прежнее время тѣ счастливы-рекрута, которымъ брили затылки, нагіе выбѣгали изъ рекрутскаго присутствія, нагіе бѣжали по городу, нагіе прибѣгали домой. И никого это

не удивляло, никто этому не препятствовалъ. Напротивъ, это казалось даже совершенно понятнымъ: какъ въ самомъ дѣлѣ, на такой радости, не бѣжать нагому, хотя бы по цѣлому городу.

Охъ, нѣтъ тебя (попыни) горчѣ во чистомъ полѣ,
А еще того горчѣ — служба царская:
Пристоялися наши ноженъки ко сырой землѣ,
Придержалися наши рученьки къ строеву ружью,
Приглядѣлися наши глазыньки за Дунай рѣку,
Что на славную на укрѣпушку, на Берлинъ городъ.

Дунай рѣка, Берлинъ городъ — все это путается, перемѣшивается, и напрасны были бы въ данномъ случаѣ усилія критики разобратъ въ подобныхъ противорѣчiяхъ. По отношенiю къ этой пѣснѣ можно сдѣлать одно предположенiе, а именно, что она, по вѣроятности, приурочивается ко времени Семилѣтней войны. Иначе едва ли попалъ бы въ нее городъ Берлинъ, который, впрочемъ, можетъ быть и позднѣйшей вставкой въ пѣснѣ, создавшейся прежде Семилѣтней войны. Такое явленiе сплошь да рядомъ встрѣчается въ историческихъ пѣсняхъ.

Не остались безъ помѣтки и нѣмцы-начальники, вводившіе въ наши войска свои суровые порядки:

Что гораздо мы предъ Богомъ согрѣшили,
Государя мы царя распрогнѣвили:
Ужъ какъ отдалъ насъ не-русскому начальству,
Что не русскому начальству — нѣмчину,
Онъ и бьетъ и губитъ солдатшекъ напрасно.

Какъ твердо народъ вѣритъ въ безконечную доброту и любовь къ нему царя! Если назначены въ начальники злые нѣмцы, то только по винѣ солдатъ: послѣдніе царя распрогнѣвили. Вмѣстѣ съ тѣмъ хороши были и нѣмцы, которыхъ назначали въ начальники солдатамъ за наказанiе. На основанiи всего этого какъ не согласиться, что произведенiя народнаго творчества — лучшій, богатѣйшій матеріалъ для изученiя исторiи народа.

Г. Барсовъ въ своемъ сборникѣ причитанiй, завоеванныхъ плачей, который мы цитируемъ въ настоящей статьѣ, дѣлаетъ какъ нельзя болѣе вѣрный выводъ, а именно, что всякій солдатъ, солдатскія вдовы и дѣти считаются крестьянами какими-то отчужденными личностями (о чемъ мы и намекнули на первыхъ страницахъ этой статьи), не имѣющими никакого отношенiя къ крестьянству; мало того, крестьяне смотрятъ на солдатскихъ женъ и дѣтей съ великимъ нерасположенiемъ. Объяснить подобное явленiе, въ виду присущаго нашему народу добродушiя, можно лишь матеріальнымъ расчетомъ: солдатъ и солдатская семья ложились, въ большинствѣ случаевъ, тяжелымъ бременемъ на крестьянство. Съ развитiемъ рекрутчины появился, такъ называемый въ плачахъ, не

бывалый дотолѣ, казенный человѣкъ. Оказывается, что этимъ казеннымъ человѣкомъ могъ быть и собственный сынъ крестьянина, обреченный въ солдаты, къ которому и отецъ, и мать, и вся семья относятся враждебно, съ явнымъ чувствомъ озлобленія. Въ одномъ плачѣ сродники и сосѣди упрекаютъ мать за ея прежнее холодное отношеніе къ сыну, какъ къ казенному человѣку. Такъ, тетка говоритъ ей:

Ты не матушка была да ему — мачиха,
И будто у сердца его ты не носила;
И знае—вѣдае ретивое сердечушко,
И што вы растили удала добра молодца,
И во людюшки вы растили казенные.

Слѣдовательно, нелюбовь крестьянъ распространялась не только къ бывшимъ солдатамъ, но даже и къ дѣтямъ, которыя обрекались въ казенные люди. Сосѣди-крестьяне также непріязненно смотрѣли на удалаго молодца, обреченнаго въ казенные людишки:

Не участникъ онъ участковъ деревенскихъ
И не дольщикъ онъ крестьянскаго вѣдь полюшка,
И не косецъ да на луговыхъ буде поженкахъ.

Неудивительно послѣ этого, что казенный человѣкъ говорилъ:

Отъ младости во радости не бывано
И отъ рожденьяца веселыхъ дней не видано.

Такимъ образомъ солдатчина прямо вела къ нравственному разложенію семьи, къ порванію семейныхъ кровныхъ связей, что какъ нельзя болѣе подтверждается такими словами плача:

И выше головы кресты они здымали (рекруты во время присяги),
И отца съ матерью они тутъ проклинали.

Едва ли можно сильнѣе изобразить отреченіе солдата отъ семьи, рода и племени. Изъ этихъ словъ вполне видна страшная пропасть, отдѣлявшая крестьянство отъ солдатчины.

Положеніе солдатки въ семьѣ беззащитное и безнадежное. Ее постоянно корятъ, что нѣтъ у нея пахаря на чистомъ полѣ, нѣтъ сѣнокосца на луговыхъ пожняхъ и воскормителя нѣтъ въ домѣ родителя. Она, при всякомъ случаѣ, боится, что люди скажутъ про нее:

Что вольная солдатка самовольная
И што лѣвива она да не станливая
И свѣтамъ-братцамъ богоданнымъ непокорная.

Даже крестьянскія дѣти бранятъ солдатскихъ дѣтей:

И обижаютъ ихъ ребята все отецкіе
И гулять-играть съ собой не привѣчаютъ.

Остается благодарить Бога и царя-освободителя, что казенный человѣкъ, съ теченіемъ времени, исчезнетъ на вѣки изъ крестьянской семьи.

Совершенно другой характеръ представляютъ пѣсни, имѣющія предметомъ описанія сраженія, походы и полководцевъ, за исключеніемъ пѣсенъ времени Петра, о которыхъ мы уже говорили. На сколько разсмотрѣнныя нами задушевныя пѣсни картинны, поэтичны, полны жизни и правды, на столько воспѣвающія битвы и начальниковъ искусственны, ложны, дѣланны, сочинены по одному шаблону, по одной мѣркѣ. Умственно не развитый нашъ солдатъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о причинахъ войнъ, въ которыхъ ему приходилось принимать участіе. Да и кому были извѣстны эти причины, кромѣ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ! Исторія знаетъ, что Елисавета Петровна вела войну съ Фридрихомъ Великимъ главнымъ образомъ по причинѣ личнаго нерасположенія къ нему. Вслѣдствіе этого народъ и войско относились къ войнѣ лишь съ точки зрѣнія неизбежно соединенныхъ съ ней тягостей. Изъ всѣхъ войнъ, пережитыхъ нашимъ народомъ со времени Петра, только Отечественная война да послѣдняя за братушекъ тронули народъ, какъ говорится, за живое. Народъ и войско сознавали также, до извѣстной степени, что полякъ бунтуетъ, что его необходимо привести къ порядку, но вражда къ поляку имѣетъ старую историческую основу. Вотъ причина, почему и историческія поговорки не идутъ далѣе Полтавской битвы.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ чего же можно ждать отъ солдатскихъ пѣсенъ, имѣющихъ предметомъ войны и походы? Конечно, ничего, кромѣ набора словъ, фальшиваго чувства, напускной самоувѣренности, столь чуждыхъ природѣ русскаго человѣка. Затѣмъ, по всей вѣроятности, большинство этихъ пѣсенъ сочиняется военными писарями и вообще различными полуграмотными писакami. Всякому извѣстно, что подобныя пѣсни рождаются, какъ грибы, во время каждой войны. Путемъ различныхъ пѣсенниковъ, столь ходкихъ среди народа, особенно пригороднаго, онѣ попадаютъ къ солдатамъ, которые инья изъ нихъ передѣлываютъ на свой ладъ и придаютъ имъ до извѣстной степени народный характеръ. Все это еще не разобрано критикой и ждетъ умѣлаго и опытнаго изслѣдователя. Само собой понятно, что подобной переработкѣ не можетъ подлежать, напримѣръ, слѣдующая чепуха:

Ну, впередъ ступай, ребята,
 Не робѣйте ничего,
 Хоть и нужды мы прихватимъ,
 Но за славу то почтемъ.
 Намъ въ Россіи хлѣбъ-вода —
 То солдатская бѣда.

Поневолѣ задумаешься, что Суворовъ, этотъ великій военный гений, такъ близко стоявшій къ войску, которое онъ водилъ отъ побѣды къ побѣдѣ, не сдѣлался достойнымъ народнаго творчества въ такой степени, въ какой онъ, повидимому, имѣлъ бы право

сдѣлаться. Намъ случилось встрѣтить мнѣніе, сколько помнимъ, принадлежащее г. Мордовцеву, что народу дороги лишь личности несчастненькія, а Суворовъ къ таковымъ не принадлежалъ. Думаемъ, что такой взглядъ довольно одностороненъ: не можетъ быть и спору о томъ, что нашъ народъ необыкновенно отзывчивъ на всякое чужое горе и о несчастненькихъ онъ съ любовью говорить въ своихъ пѣсняхъ, но необходимо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что, помимо несчастненькихъ, народу дороги свои люди, люди его кости и крови. Стенька Разинъ и многіе волжскіе разбойники—не герои добра, не великіе полководцы, но о нихъ существуетъ масса пѣсень, сказаній, преданій, особенно о первомъ. Они сдѣлались достояніемъ народнаго творчества потому, во-первыхъ, что свои люди; во-вторыхъ, потому, что въ своей дѣятельности они становились во враждебныя отношенія не столько съ обществомъ, съ народомъ, сколько съ неправдой, олицетворявшейся въ различныхъ органахъ власти, одинаково враждебной и народу. Въ этомъ отношеніи исторія нашего разбойничества представляетъ примѣры въ высшей степени оригинальные и поучительные. Суворовъ былъ не изъ народа, и хотя одерживалъ великія побѣды, но, говоря просто, народу до этихъ побѣдъ было мало дѣла, ибо самыя причины войнъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, оставались для него тайной неразгаданной. Въ такихъ войнахъ въ солдатѣ является двигателемъ остервенѣніе безсмысленнаго звѣря, который дерется потому, что, если не будетъ драться, то будетъ убитъ. Только вполнѣ, такъ сказать, сознательная битва вызываетъ въ воинѣ чувства, которыя рвутся наружу, чтобы обнаружиться въ пѣснѣ, въ этомъ внѣшнемъ проявленіи души, полной восторга.

Суворовъ упоминается въ слѣдующей пѣснѣ, не дѣланной, а дѣйствительно солдатской; шведскій король вступилъ въ переписку съ государыней (пѣсня, вѣроятно, относится къ императрицамъ Елисаветѣ или Екатеринѣ):

Пишетъ, пишетъ король шведскій государынѣ самой:

Охъ, ты гой еси, російска государыня сама,

Ты раздѣлайся, государыня, по честности со мной,

Не раздѣлаешься, государыня, по честности со мной,

Ужъ я съ силушкой сберусь, скрозь землюшку пройду.

Далѣе грозитъ побывать въ Москвѣ и Петербургѣ; въ концѣ предлагаетъ условія замиренія:

Російска государыня, замирися ты со мной.

Не замиришься—не прогнѣвайся на меня.

Ты отдай, отдай свои славны города,

Не отдашь, не отдашь, государыня, -- не прогнѣвайся на меня;

Отдай Тулу, отдай Леверъ (Ревель), отдай славный Короставъ (Кронштадтъ).

Такимъ образомъ король требуетъ города, завоеванные у Швеціи Петромъ. Какъ попала сюда Тула—не разрѣшишь.

Въ другой пѣснѣ предъявляется такое требованіе: «Отдай Курляй, Вихляй съ Выборгомъ назадъ». Курляй и Вихляй, конечно, Курляндія и Лифляндія.

Испугалася, оробѣла государыня наша,
Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:
Охъ, вы гой еси, мои слуги, слуги вѣрные мои!
Вы подите-приведите Суворова графа ко мнѣ.

Вотъ приходитъ графъ Суворовъ и говорить:

Ужъ ты гой еси, государыня, не страшися ничего,
У насъ есть чѣмъ принять, чѣмъ потчивать его:
У насъ есть ли пироги,
Они въ Тулѣ печены,
Они въ Тулѣ печены, въ Москвѣ мясомъ чинены,
У насъ есть ли сухари, они въ Тулѣ крошены, и проч.

Въ пѣснѣ на смерть Лопухина упоминается, что Суворовъ генераль свою силу утверждалъ, мелки пушки заряжалъ, короля въ полонъ бралъ.

Въ другой пѣснѣ, въ которой шведскій король также грозитъ государынѣ, вмѣсто Суворова спасителемъ послѣдней является весь генералитетъ. Есть еще третья пѣсня, на ту же тему, въ которой выступаетъ генералушка большой Краснощековъ, но въ ней на сценѣ не шведскій, а прусскій король:

Ты не бойся, матушка, прусска короля,
Не бывать ему, собакѣ, въ Питерѣ городѣ,
Въ Питерѣ не бывать, Москву въ глаза не видать.

Краснощековъ въ большинствѣ случаевъ приурочивается къ прусскому королю. Имя Суворова вспоминается въ пѣсняхъ о первой турецкой войнѣ. Описывается проигранная нами битва. Дѣло плохо; на всѣхъ напалъ ужасъ. Не теряетъ духа только Суворовъ, который скачетъ къ донскимъ казакамъ и говорить имъ:

Вы пейте-ка безъ мѣры зелено вино,
Берите безъ расчета государевой казны.
Не можно ли, ребята, караулы турски скрасть?

Казаки отвѣчаютъ: «Не велика, сударь, страсть—караулы турски скрасть».

Есть дѣланная пѣсня о взятіи Суворовымъ Варшавы. Г. Мордовцевъ предполагаетъ, что она составлена какимъ нибудь грамотникомъ, проникла въ народъ и передѣлана по своему вкусу.

Какъ не туча находила,
И не сильны дожди льютъ,
Графъ Суворовъ показался,

Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.
Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье
Взять Варшаву, покорить.

Ляхи, когда услышали объ этомъ, то заговорили: «Лучше скрозь землю пройтить, отъ Суворова уйдтить».

Г. Елисеѣвъ въ статьѣ «Преданія о Суворовѣ» приводитъ одинъ чисто народный обломокъ пѣсни о немъ:

Что не сизый орелъ на лебедушекъ
Напускается изъ-за синихъ тучъ,
Напускается орломъ батюшка
На поганныхъ на турковъ-нехристей
Самъ Суворовъ, свѣтъ-батюшка.

Въ пѣснѣ на взятіе Варшавы, между прочимъ, находимъ:

Намъ Суворовъ волю далъ
Ровно три часа гулять.
Погуляемте, ребята, —
Намъ Суворовъ приказалъ.

Подъ гульбой, упоминаемой въ пѣснѣ, по всей вѣроятности, надобно понимать разрѣшеніе, которое Суворовъ иногда давалъ солдатамъ, а именно грабить взятый штурмомъ городъ, чѣмъ солдаты были очень довольны, ибо далѣе въ пѣснѣ говорится:

Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
Что ты правдою живешь,
Справедливо, насъ, солдатъ, ведешь.

Замѣтимъ еще, что Суворовъ попреимуществу рисуется въ пѣсняхъ въ образѣ командующаго палочкой, убѣждающаго солдатъ не робѣть, свинцу-пороху не жалѣть, или, какъ выражается пѣсня, свою силу утверждалъ нашъ Суворовъ генераль. Вообще черта храбрости, способности переливать свою храбрость въ другихъ, приписывается Суворову ясно и опредѣленно въ произведеніяхъ народного творчества. Оригинальные выходки нашего великаго полководца, напримѣръ, пѣтъ пѣтухомъ, когда онъ захотѣлъ поднять войско къ походу, и тому подобные фокусы прошли для народной памяти совершенно безслѣдно, и именно потому, что народъ хорошо понималъ, на сколько всѣ упомянутыя выходки были фальшивы, дѣланны, искусственны, какъ все это въ дѣйствительности и было.

Такимъ образомъ мы видимъ, на сколько небогато народное творчество произведеніями о Суворовѣ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Дѣланныя пѣсни о немъ разныхъ грамотниковъ, напримѣръ, на Кинбурнскую косу, на взятіе Измаила, Очакова, и другія ниже всякой критики.

Въ народныхъ преданіяхъ Суворовъ является такимъ воиномъ, которому помогаетъ Богъ, нерѣдко посылающій къ нему ангеловъ. Суворовъ зналъ Божью планиду, по которой всегда и поступалъ. Онъ—волшебникъ, разрушавшій чары враждебной силы крестомъ и молитвой; обладаетъ способностью являться въ критическія минуты, когда войску приходится плохо, и затѣмъ мгновенно исчезаетъ. Вообще ему придается мистическій характеръ. Его, конечно, не беретъ пуля. Онъ не умеръ, но спитъ, и когда проснется, то горе врагамъ. Преданія о немъ существуютъ до сей поры въ Швейцаріи, гдѣ, въ Альпахъ, есть тропинки, проходы, пути Суворова. Мы сами видѣли, во время своего путешествія по Швейцаріи, и Чортовъ мостъ, и надпись, гласящую, что здѣсь проходилъ Суворовъ, и слышали рассказы жителей о немъ.

Означенныя преданія о Суворовѣ подслушаны г. Елисеѣвымъ попреимуществу въ Новгородской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, находятся имѣнія этого полководца. Въ этой же мѣстности подслушано преданіе о томъ, что Суворовъ никогда не начиналъ битвы, не убѣдившись, что на небесахъ кончилась обѣдня, для чего онъ становился на колѣни, наклонялъ голову и слушалъ.

Но въ какой степени преданія о немъ живутъ во всей Россіи,—это вопросъ, остающійся открытымъ. Мало того, мы даже недоумѣваемъ, какимъ образомъ преданія, приводимыя г. Елисеѣвымъ, въ которыхъ Суворовъ является какимъ-то миѳическимъ героемъ, окруженнымъ величайшей таинственностью, могли о немъ создаться даже и въ мѣстахъ его временнаго жительства, гдѣ онъ пѣлъ пѣтухомъ, читалъ Апостола и звонилъ въ колокола? Какое отношеніе всѣ эти чудачества великаго человѣка могли имѣть къ созданію преданій, вполне понятныхъ въ герояхъ древнихъ былинъ, но никакъ не вяжущихся съ личностью Суворова, съ его дѣйствіями и взглядами? Мы не хотимъ высказать сомнѣнія относительно достовѣрности преданій, упоминаемыхъ г. Елисеѣвымъ, но просто представляемъ вопросъ, для насъ интересный и трудно разрѣшимый.

Въ числѣ солдатскихъ пѣсенъ времени Семилѣтней войны невольное вниманіе изслѣдователя останавливаютъ пѣсни о донскомъ казакѣ Краснощековѣ. Необыкновенно сильно онъ запечатлѣлся въ памяти народной, но почему?—это остается вопросомъ не разгаданнымъ. За что его такъ крѣпко полюбили народъ и войско, какъ не любили и не любятъ ни одного полководца? Краснощековъ, личность совершенно неизвѣстная исторіи, возводится народнымъ творчествомъ въ герои, живетъ въ пѣсняхъ, полныхъ высокихъ поэтическихъ достоинствъ. Чувствуешь, что народъ положилъ въ нихъ всѣ свои силы. О Краснощековѣ до сей поры нѣтъ ни одной монографіи, даже у самихъ донцевъ, столь имъ прославленныхъ. Наши историки не знаютъ его, а между тѣмъ народная память хранитъ этого казака въ многочисленныхъ пѣсняхъ. На такую память, безъ сомнѣ-

вія, имѣются какія нибудь уважительныя причины, намъ до сей поры не извѣстныя. Вѣроятно, Краснощековъ былъ человѣкомъ необыкновенно сильнаго характера, ибо пѣсня говоритъ, что, когда татары взяли его въ плѣнъ, то разными муками мучили, а правды у него не вывѣдали, хоть съ живаго съ него кожу содрали, но души изъ него не вынули. Приурочиваніе его къ татарамъ, къ войнамъ Петра, Елисаветы (попреимуществу ко времени послѣдней) лучше и яснѣе всего доказываетъ, на сколько онъ дорогъ народу. Складъ пѣсенъ о немъ чисто народный, безъ подмѣси.

Первые историческіе подвиги Краснощекова оказались въ крымскомъ походѣ фельдмаршала Петра Ласси, Лесси. Этотъ Петръ Лесинъ, какъ зоветъ его народъ, явился начальникомъ въ шведскую войну, при Аннѣ и Елисаветѣ, и отъ него гибнетъ Краснощековъ, падаясь въ шведскій плѣнъ. Этотъ народный герой переодѣвается въ различныя платья; онъ беззавѣтно смѣлъ и благороденъ:

Краснощековъ беретъ Берлинъ городъ.
Какъ растужится, расплается прусской король,
Глядячи на крѣпость на Берлинъ городъ:
Ты, крѣпость моя, крѣпость Берлинъ городъ,
Ты кому, моя крѣпость, достанешься!
Доставалася моя крѣпость царю бѣлому,
А еще-то тому генералу Краснощекову.

Замѣтимъ, кстати, что варианты плача прусскаго короля очень многочисленны и задушевы.

Краснощековъ возвращается раненый изъ похода и говоритъ матери, которая думаетъ, что онъ пьянъ, ибо, сидя на конѣ, шатается:

Напоилъ-то меня супостатъ прусской король
Тремя пойлами, тремя разными:
Первое пойлице—сабля острая,
Другое пойлице—ружье огненно,
Третье пойлице—калена стрѣла.

Краснощековъ раненъ. Пѣсня поэтически передаетъ его плачевное положеніе:

Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка,
Отъ великаго оружія солдатскаго
Загоралася въ чистомъ подѣ ковыль-травя,
Добиралася до бѣлаго камышка.
Что на камышкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Подпалилъ онъ свои скорыя поженъки.
Прилетѣли ¹⁾ къ соколу стадо вороновъ,
Что сажались черны вороны вокругъ его

¹⁾ Множественное число при собирательномъ «стадо» какъ обычное въ древнемъ языкѣ.

И въ глаза ли ясному соколу насмѣхались,
 Называли они сокода вороною:
 «Ты, ворона, ты, ворона подгуменная!»
 Ахъ, что возговорить въ кручинѣ младъ ясенъ-соколъ:
 Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
 Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
 Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
 Я взовьюся, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
 Опущуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы,
 Перебью я черныхъ вороховъ до единого.

Кто не согласится, что такое произведеніе вполне заслуживаетъ названія высоко-поэтическаго. Примѣните его къ жизни, и вы будете поражены истиной, въ немъ высказываемой, т. е. если представить себѣ воронѣ, обыкновенно бросающееся на великаго человека только тогда, когда у него подпалены крылышки и обожжены ноженъки. Живая, полная горькой правды картина рисуется намъ въ этой пѣснѣ, героемъ которой является любимая народомъ и войскомъ личность. Мы имѣли случай замѣтить, что нашъ народъ обладаетъ великимъ запасомъ любви къ людямъ и особеннымъ сочувствіемъ къ несчастнымъ. Въ пѣсняхъ времени Семилѣтней войны имѣется такая (и въ большомъ числѣ вариантовъ), въ которой высказывается солдатами глубокое сочувствіе къ прусскому королю Фридриху Великому, съ приложеніемъ къ нему эпитетовъ разбесчастненькаго и безталанненькаго. Ясно, значитъ, что солдаты угадали своей мягкой природой, чуткой къ страданіямъ людей, и совершенно поняли страшно критическое положеніе Фридриха II во время неравной борьбы его съ сильными государствами. Народъ и войско, если не знали причины войны съ Пруссіею, то, во всякомъ случаѣ, могли знать, что королю прусскому приходилось одному отбиваться отъ многихъ враговъ.

Разбесчастненькій, безталанненькій
 Нашъ-та король прусскій.
 Онъ на воронѣ на коникѣ
 Король разѣзжаетъ.
 Ничего-то король про свою армейшкѣ
 Ничего не знаетъ.

Король получаетъ газетушки, читаетъ ихъ и плачетъ. Въ заключеніе говорить: «Не воюетъ-то наша армейшкѣ, горечко горчаешь, что горчаешь-то наша армейшкѣ, сама слезно плачетъ».

Считаемъ нелишнимъ высказать замѣчаніе, что въ пѣсняхъ, относящихся къ Семилѣтней войнѣ, пробивается мѣстами недоумѣніе о ходѣ событій, каковое недоумѣніе объясняется совершенно понятно, если мы припомнимъ, что всѣ наши успѣхи въ Пруссіи привели лишь къ тому, что русскую армію дважды возвращали: одинъ разъ на половинѣ дѣла, въ другой разъ безъ всякихъ пло-

довъ для Россіи, по успѣнномъ окончаніи дѣла. Вопіющія несообразности и безтолковость военныхъ дѣйствій, конечно, не могли скрыться отъ солдатъ, которыхъ Господь Богъ не обдѣлилъ здравымъ смысломъ.

Въ пѣсняхъ Екатерининскаго періода есть все,—какъ замѣчаетъ г. Безсоновъ, —кромѣ народа и народнаго. Это —также немалый вопросъ для изслѣдователей народнаго творчества. Такія блестящія войны, такое вообще блестящее царствованіе не нашли отзыва ни въ народѣ, ни въ войскѣ. Не понималъ ли народъ своимъ непостижимымъ чутьемъ истины, что существо дѣла заключается не въ блескѣ, а въ чемъ-то другомъ, болѣе прочномъ и необходимомъ для государства. Фактъ рѣшенный, что народъ въ царствованіе Екатерины II крѣпко страдалъ отъ всяческой неправды.

Пѣсни, относящіяся къ Отечественной войнѣ, всѣ дѣланны, чужды поэзіи и жизненной правды. По нашему крайнему разумнію, подобное обстоятельство объясняется такимъ образомъ: народъ, ошеломленный нашествіемъ страшнаго числомъ врага, небывалымъ погромомъ, соединеннымъ съ этимъ нашествіемъ, былъ не въ силахъ сосредоточиться на событіяхъ, необыкновенно быстро смѣнявшихся. Событія, такъ сказать, подавляли его своимъ величіемъ и разнообразіемъ впечатлѣній. Грандіозныя битвы идутъ одна за другой, почти безъ остановокъ; отъ Нѣмана до Парижа пушечный громъ не умолкаетъ для войска. Какія событія: Бородино, взятіе Москвы, взятіе столицы Франціи! По законамъ дѣятельности духовныхъ силъ человѣческихъ не представлялось возможнымъ разобраться съ массой подавлявшихъ въ то время русскаго человѣка впечатлѣній.

Съ чувствомъ далеко не отраднымъ читаешь, напримѣръ, слѣдующія пѣсни, вышедшія изъ устъ какого нибудь полуграмотнаго патриота и разными путями попавшія въ уста солдата:

Всемиловитый Спасъ
Всѣхъ французовъ потрясъ,
Князь Кутузовъ
Побилъ французовъ.

Или:

Не боимся мы французовъ,
Штыкъ всегда востеръ у насъ,
Лишь бы батюшка Кутузовъ
Допустилъ къ нимъ скоро насъ.

Послѣ 1812 года, какъ, напримѣръ, и послѣ крымской войны, сложилось немало шуточныхъ стихотвореній. Въ свое время было въ большомъ ходу слѣдующее:

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вадумалъ въ ровень стать.

Конь куда съ копытомъ мчится,
 Ракъ туда-жъ съ клешней тащится,
 И давай плясать.
 Не въ подладъ пошелъ англезу,
 Вадумалъ бросить экосезу,
 Польскую пройтти.

Явная и неудачная поддѣлка подъ народный ладъ.

Неизвѣстно, за какіе грѣхи всѣ полуграмотные слагатели солдатскихъ пѣсенъ навязывали и навязываютъ русскому народу похвалбу подвигами, презрѣніе къ врагу. Во-первыхъ, отъ самохвальства всегда отвертывается нашъ народъ; онъ скорѣе посмѣется надъ собой, чѣмъ похвалить себя; во-вторыхъ, нашъ солдатъ отдаетъ всегда должное своему врагу и очень хорошо понимаетъ, что храбростью ни одинъ народъ не обдѣленъ, что человѣкъ всякой національности сѹмѣетъ умереть за отечество, если того требуютъ обстоятельства; наконецъ, очень хорошо понимаетъ, что побѣда дѣло условное: сегодня Богъ далъ намъ, а завтра имъ. Означенная похвальба высказывается только для услажденія слуха начальства.

Въ пѣсняхъ 1812 года нерѣдко встрѣчаются имена Кутузова и Платова. Послѣдній рисуется удалымъ казакомъ; онъ переодѣтымъ является въ лагерь французовъ и бесѣдуетъ неузнанный съ самимъ Бонапарте:

Государь его (Платова) любилъ,
 Къ себѣ въ гости попросилъ,
 Ему бороду обрилъ,
 Позументы съ груди снялъ,
 Кушомъ его наряджалъ,
 Къ французу посылалъ,
 Подорожну написалъ.
 Подѣзжаетъ казакъ Платовъ
 Ко французскому дворцу.
 У французa дочь Арина
 Купцу рѣчи говорила.

Пріѣхалъ Платовъ только затѣмъ, чтобы сказать Бонапарте:

Ты, ворона, воръ французъ,
 Зачуменная карга!
 Не умѣла ты, ворона,
 Ловить ясна сокола—
 Платова казака.

Народный складъ этой пѣсни не подлежитъ сомнѣнію. Вообще замѣтимъ, что Платовъ пользуется бѣльшей популярностью, чѣмъ Кутузовъ. Въ другой пѣснѣ о немъ говорится, что французская земля много горя приняла отъ Платова казака. Трудно сказать, что побуждало общество сочинять, во время Отечественной войны,

различныя басни про Платова, но сочинялись эти басни не въ маломъ числѣ; нѣкоторые рассказы объ его небывалыхъ походахъ перешли и въ народъ. Въ концѣ 1812 года, когда гнали Наполеона, распространилась молва, что Платовъ обѣщалъ отдать замужъ свою дочь за того, кто захватитъ Наполеона, хотя бы этотъ счастливецъ былъ самый простой человѣкъ, на примѣръ, солдатъ, крестьянинъ или казакъ. По поводу означеннаго заявленія Платова была составлена аллегорическая картина. Къ сожалѣнію, мы не помнимъ подробностей аллегоріи.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсень, относящихся ко времени Отечественной войны, слѣдующая:

Раззорена путь-дорожка
Отъ Можайска до Москвы.
Еще кто ее ограбилъ?
Непріятель воръ-французъ.
Раззоримши путь-дорожку,
Въ свою землю жить пошелъ,
Въ свою землю жить пошелъ,
Ко Парижу подошелъ.

Къ новѣйшему времени относятся пѣсни о Паскевичѣ, Дибичѣ и различныхъ сраженіяхъ, происходившихъ въ царствованіе императоровъ отъ Павла I до Николая I включительно. Пѣсни эти не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, съ точки зрѣнія народнаго творчества. Онѣ не даютъ ни одной черты, которая хотя сколько нибудь опредѣляла бы внутреннія свойства нашего солдата. Солдатъ поетъ ихъ совершенно механически, безъ малѣйшаго участія сердца, какъ онъ самъ говоритъ: «Велятъ пѣть веселешенько, а на душѣ-то у насъ тошнешенько».

Наборъ словъ, въ родѣ слѣдующаго, встрѣчается во всякой пѣснѣ въ упомянутый періодъ времени:

Графъ Паскевичъ генералъ
Долго не спалъ, не дремалъ,
Свою силу снаряжалъ.

Или:

Какъ пошли наши ребята,
Наши храбрые солдаты,
Глупыхъ турокъ колотить,
Уму-разуму учить.

Замѣтимъ также, что всѣ эти дѣланныя пѣсни переходятъ изъ одного царствованія въ другое, почти безъ всякихъ перемѣнъ въ содержаніи, съ перемѣной лишь именъ: вмѣсто, на примѣръ, Дибича ставится Паскевичъ, отъ чего существо дѣла нисколько не измѣняется, ибо пустой наборъ словъ примѣнимъ ко всякому лицу. Настоящее принадлежитъ исторіи, не наступившей еще для нашего времени, слѣдовательно можно только думать и гадать, въ ка-

кихъ пѣсняхъ проявится современный солдатъ, бывшій на Кавказѣ, при окончательномъ его покореніи, совершившій походъ въ Болгарію, участвовавшій въ текинской войнѣ; не болѣе какъ только можно думать и гадать, какимъ образомъ отнесется нашъ солдатъ къ своимъ полководцамъ, стоявшимъ во главѣ армій въ упомянутыя войны. Въ высшей степени интересно также было бы предугадать воззрѣніе солдата на Скобелева. Какъ поймутъ его войско и народъ и какое нравственное мѣрило приложать къ этой, во всякомъ случаѣ, замѣчательной личности.

Существуютъ дѣланныя, искусственныя пѣсни и о крымской войнѣ. Всѣ онѣ ниже упоминанія. Въ плохомъ сборникѣ Троицкаго-Сениютovichа приведены также пѣсни о послѣдней турецкой войнѣ, совершенно пустыя по содержанію и столько же солдатскія, сколько и дворянскія или какія угодно.

Войско, принимавшее участіе въ послѣдней войнѣ, должно сначала многое переработать во внутреннемъ своемъ мірѣ, прежде чѣмъ дать волю своему творчеству.

Для рифмоплетовъ и квасныхъ патріотовъ такая духовная переработка совершенно не нужна. Имъ нуженъ только языкъ, который, какъ извѣстно, безъ костей. Какъ кстати, напримѣръ, прилагается къ крымской войнѣ слѣдующая пѣсня, когда мы были такъ чувствительно побиты:

Что французы, англичане,
Что турецкій глупый строй!
Выходите, басурмане,
Вызываемъ васъ на бой.

При этой пѣснѣ имѣется помѣтка, что слова ея принадлежатъ князю М. Д. Горчакову, чему охотно вѣримъ, сохраняя убѣжденіе, что никакъ не солдату. Въ сказкахъ и сказаніяхъ, которыхъ коротко коснемся, солдатъ рисуется человѣкомъ необыкновенно смѣлымъ, ловкимъ; онъ многое знаетъ, много видалъ и испыталъ на своемъ вѣку; его ничѣмъ не удивишь; солдатъ въ сказкахъ выходитъ съ торжествомъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Онъ лѣчитъ больныхъ царей, царевенъ, когда всѣ отказываются отъ подобнаго дѣла; попадаетъ въ рай, не смотря на то, что нѣкоторые святые, какъ, напримѣръ, апостолъ Петръ, царь Давидъ, не пускаютъ его въ царство небесное за грѣхи, имъ совершенныя; но онъ доказываетъ, что никогда не отрекался отъ Христа, какъ Петръ, и никогда не похищалъ чужой жены, убивъ ея мужа, какъ царь Давидъ. Ни жидъ, ни цыганъ, эти всесвѣтныя плуты, не могутъ надуть солдата. Мало того, солдатъ не боится самого чорта, который волей не волей подчиняется солдату и исполняетъ всѣ его желанія.

Счастливый случай выручаетъ служиваго, если онъ не можетъ своимъ умомъ выйти изъ труднаго положенія. Солдатъ продаетъ

душу чорту, но судьба выручаетъ его, и чортъ остался безъ солдатской души. Такъ въ одной сказкѣ говорится: стоялъ солдатъ на часахъ и захотѣлось ему на родинѣ побывать. «Хоть бы, говорить, чортъ туда меня снесъ!» А онъ тутъ какъ тутъ. «Ты, говорить, меня звалъ?» «Звалъ». «Изволь, говорить, давай въ обмѣнъ душу!» «А какъ же я службу брошу, какъ съ часовъ сойду?» «Да я за тебя постою». Рѣшили такъ, что солдатъ годъ на родинѣ проживетъ, а чортъ все время прослужитъ на службѣ. «Ну, скидавай!» Солдатъ все съ себя скинулъ и не успѣлъ опомниться, какъ дома очутился. А чортъ на часахъ стоитъ. Подходить генераль и видить, что у него въ порядкѣ одного нѣтъ: не крестъ на крестъ ремни на груди и всѣ на одномъ плечѣ. «Это что?» Чортъ и такъ и сякъ, не можетъ надѣтъ. Тотъ его въ зубы, а послѣ порку. И пороли чорта каждый день. Такъ хорошій солдатъ всѣмъ, а ремни все на одномъ плечѣ. «Что съ этимъ солдатомъ, говорить начальство, сдѣлать? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало въ исправности». Пороли чорта весь годъ. Прошелъ годъ, является солдатъ смѣнять чорта. Тотъ и про душу забылъ: какъ завидѣлъ солдата, все съ себя долой. «Ну, васъ, говорить, съ вашей и службой-то солдатской». И убѣждалъ.

Кончивъ свой трудъ, выскажемъ, что настоящія солдатскія пѣсни, имѣющія содержаніемъ битвы и личности, руководившія этими битвами, явятся только тогда, когда военная масса проникнется свѣтомъ образованія, ибо не иначе, какъ лишь при этомъ условіи, войско будетъ въ состояніи постигать причины возникновенія той или другой войны, сознать всю важность историческихъ явленій, разрѣшать которыя ему придется на поляхъ сраженій. Тогда въ пѣсняхъ солдата выльются всѣ его думы и помыслы, вся его дуна. Не скоро творятся подобныя перерожденія, но начало имъ въ настоящемъ войскѣ положено, и именно какъ всесословной воинской повинностью и гуманной дисциплиной, такъ и тѣми заботами объ его образованіи, которыя составляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій царствованія государя-освободителя. Время невидимо творитъ свое дѣло, и наступитъ моментъ, когда лѣтописецъ войска на Руси съ чувствомъ высокой отрады, будетъ разсматривать различныя явленія творчества солдатъ, чего судьба не послала на нашу долю: намъ, современнымъ людямъ, остается благодарить Бога и за то, что мы видѣли, какъ новыя, свѣжія сѣмена были брошены державной рукой въ родную Русскую землю. И то немалое счастье. Вскодами же наслаждаются наши потомки, которымъ принадлежитъ будущее, со всѣми его радостями и страданіями, но, вѣроятно болѣе, съ радостями, чѣмъ со страданіями.

И. Вѣловъ.